

ОТ ЯЗЫКА КАК НАИМЕНОВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ К МЕНТАЛЬНОМУ ЯЗЫКУ

Статья представляет собой краткий экскурс понимания языка в истории философии с древности до Нового времени. В разделе описывается роль, место и функции языка, а также изменение данных характеристик с развитием философии и науки в целом.

Ключевые слова: язык, античная философия, философия языка, совершенный язык, логика, философия.

A.N. Mikhnyuk

FROM LANGUAGE AS THE SUBJECT NAMES TO MENTAL LANGUAGE

The article is a short excursus for language interpretation in the philosophy history from ancient times to new time. Role, place and functions of the language and change of these characteristics in the process of philosophy and science development in whole is described in the part.

Key words: language, ancient philosophy, language philosophy, perfect language, logic, philosophy.

Цель: показать изменение роли и места языка в философии с течением времени.

Задачи: рассмотреть определение и понимание языка в античности; указать основных представителей античности, Средних веков и Нового времени; показать изменение понимания языка с ходом времени.

Ранние варианты философии языка представлены философией имени, центральным предметом которой выступает феномен номинации и «имя». Древнегреческая традиция в контексте своей общеатомистической ориентации интерпретировала предложение как архитектурно складывающееся из имен (например, феномен дискретности речи в концепции Аристотеля). Античная традиция осмысления языка трактовала имя как конституированное в результате деструкции предложения как исходной единицы языка в процедуре рефлексивного грамматического анализа. Тем самым в рамках традиционной культуры обозначаются контуры определяющего классическую концепцию языка противостояния семантического и синтаксического ее векторов («философия имени» и «философия предиката»). Узловой проблемой «философии имени» выступает проблема соотношения имени и соответствующего ему предмета как фрагмента действительности или иначе – проблема «установления имен»¹. Традиционные концепции имени дифференцируются в соответствии с критериальной матрицей, задаваемой базовой для традиционной философии языка дихотомической оппозицией двух альтернативных подходов к трактовке языковой проблематики: онтологического и конвенционального.

Первый подход базируется на презумпции онтологической заданности соответствия имени и означаемого им предмета: «образовать имена (вещей) не может всякий, кому вздумается, но (лишь тот), кто видит ум и естество сущего. Итак, имена – по природе» (Прокл о Пифагоре). То обстоятельство, что имена даны предметам по природе (phusei)², означает возможность правильного или неправильного наименования и задает необходимость постижения истинного значения (etimon) имени (отсюда – исходно – «этимология»), обеспечивающего постижения сущности предмета (позиция стоиков). В противоположность этому конвенциональный подход к имени понимает наименование как осуществленное не в соответствии с глубинными автохтонными качествами предмета, но «по установлению, договору». В рамках такого подхода имя принципиально не субстанциально, не атрибутивно и не имманентно предмету: «по одному комку глины узнается все сделанное из глины, (ибо) видоизменение – лишь имя, основанное на словах; действительное же – глина» (Упанишады). Такое истолкование имени не позволяет проникнуть в сущность предмета, постигая «правильность имени», ибо «имена обусловлены сознанием» (ранний буддизм), что в целом снимает проблему правильности имен как таковую, так как «имена по случаю, а не по природе» (Демокрит). Общим здесь является понимание наименования как освоения и совпадение образа номатета с

1. С др.-инд. namadheys, а с др.-греч. *onomatopheiike*.

2. Phusei (психея) – в древнегреческой мифологии олицетворение человеческой души.

космоустроителем. При всей своей наивности альтернатива двух названных подходов к природе имени закладывает основу конституированной в рамках современной философии языка альтернативы герменевтической трактовки текста как предполагающего понимание в качестве реконструкции его имманентного смысла и его постструктуралистской интерпретации, в рамках которой понять текст – значит сделать его осмысленным и семантически значимым. В античной философии языка оформляется также интенция синтеза названных позиций: наряду с фигурой номатета в философии Платона присутствует модель структурно-семантического соответствия имени и предмета – в когерентном режиме – с одной стороны, и эйдоса-образа – с другой.

Проблема соотношения языка и предметов, выражаемых языком посредством слов, возникает в учении Демокрита. Его интересовал вопрос связи между словом и предметом. Согласно учению Демокрита, язык возникает из материальной нужды, которая составляет основу всех изменений в жизни общества. В рамках рассмотрения вопроса отношения имени (слова) к предмету он утверждал, что такое отношение обусловлено согласием среди членов какого-либо общества, говорящего на одном языке. Ввиду этого язык понимался Демокритом как своеобразное продолжение природного явления.

Для наглядной иллюстрации взглядов Платона на проблему языка будет рассмотрен диалог «Кратил». Вся работа посвящена поиску правильности имени, присущей каждой вещи от природы. Здесь просматривается первоначальный образ поиска совершенного языка, только Платон рассматривает эту проблему с точки зрения именования вещей. Платон в диалоге «Кратил» пишет: «...но определенная правильность имен прирождена и эллинам, и варварам, всем одна и та же». Суть данной мысли состоит в том, что несмотря на то, что эллины и варвары «находятся по разные стороны баррикад», все то, что касается языковых проявлений, имеет общие корни, так как присущи каждой вещи от природы. Здесь Платон указывает: «В таком случае и давать имена нужно так, как в соответствии с природой вещей следует их давать и получать, и с помощью того, что для этого природою предназначено»³. Платон также говорит следующее: «Может быть, мы учим друг друга и распределяем вещи соответственно способу их существования?» И отвечает «да!» «Выходит, имя есть некое орудие обучения и распределения сущностей... следовательно, учитель будет хорошо пользоваться словом. Хорошо – это значит, как должно учителю»⁴. Из этих рассуждений Платона видно, что все-таки имена не появляются просто так ниоткуда, а являются обоснованным результатом наблюдений и являют собой некоторое изобретение того, кто конкретно проводил эти наблюдения и, проанализировав их, дал наиболее оптимальное, универсальное, общедоступное и коллективносознаваемое имя. И эту же мысль мы можем прочитать у самого Платона: «Таким образом, не каждому человеку, Гермоген, дано устанавливать имена, но лишь такому, кого мы назвали бы творцом имен. Он же, видимо, и есть законодатель, а уж этот-то из мастеров реже всего объявляется среди людей»⁵. Здесь же в подтверждение сказанного логически вытекает следующее утверждение: «Так вот, я думаю, милый мой Гермоген, что первые учредители имен не были простаками, но были вдумчивыми наблюдателями небесных явлений и, я бы сказал, тонкими знатоками слова»⁶. Обосновывая и подтверждая ход своих размышлений Платон пишет: «Имя «человек» означает, что, тогда как остальные животные не наблюдают того, что видят, не производят сравнений, ничего не сопоставляют, человек, как только увидит что-то, а можно также сказать «уловит очами», тотчас начинает приглядываться и размышлять над тем, что уловил. Поэтому-то он один из всех животных правильно называется «человеком», ведь он как бы «очеловец» того, что видит»⁷. Это наиболее яркая иллюстрация позиции философа. Сам Платон описывает тот процесс, который представляет собой наблюдение, анализ и изобретение того или иного имени, т.е. весь путь от исследования к конкретным результатам. И самое ценное в этом процессе то, что дано это именно человеку, пусть не каждому, пусть только избранным, единицам и все же человеку. Хотя сам Платон и оговаривается в дальнейшем, что некоторые имена имеют божественное начало, все же большинство имен человек сам познает из их природы.

Таким образом, выходит, что законодатель должен уметь воплощать в звуках и слогах имя, но только то, которое в каждом случае назначено ему от природы. Создавая и устанавливая такие имена, следует обращать внимание на то, что представляет собой имя как таковое. Платон предлагает нам идею, что

3. Платон. Кратил. URL: <http://lib.rus.ec/b/43110> (дата обращения: 06.02.2010).

4. Там же.

5. Там же.

6. Платон. Кратил. URL: <http://lib.rus.ec/b/43110> (дата обращения: 06.02.2010).

7. Там же.

природа сама дает имена вещам, основываясь на их некой внутренней, незримой сущности. И перенять эти знания природы могут лишь единицы, избранные, те, кто может ухватить суть вещи и наиболее точно передать ее имя для общего использования и именования той или иной вещи. Платон по этому поводу в диалоге «Кратил» пишет: «И если какая-то буква прибавится или отнимется, неважно и это, доколе остается нетронутой сущность вещи, выраженная в имени. Здесь нет ничего хитрого. Напротив, ты знаешь, когда мы перечисляем буквы, мы обычно произносим их названия, а не самые буквы. Только четыре мы произносим просто: Е, У, О, В. Остальные же мы обставляем другими гласными и согласными, так что получаются имена этих букв. И пока имя выражает вложенный в него смысл, оно остается правильным для того, что оно выражает. Как, скажем, «бета». Ты видишь, что прибавление эты, теты, альфы не мешает имени в целом выражать природу этой буквы, как того и хотел законодатель: настолько хорошо умел он устанавливать буквам названия»⁸.

И выходит, что, таким образом, мы имеем некий образец, следуя которому можно в самих именах отыскать подтверждение того, что каждое имя не произвольно устанавливается. Происходит же это в соответствии с некоей правильностью, как называет ее сам Платон. Внимание стоит уделить наиболее правильным, по мнению Платона, именам, установленным для того, что существует вечно, для истонного. И как считает Платон, некоторые из них установлены, возможно, даже более высокой силой, нежели человеческая, а именно, установление имен происходит посредством божественной силы.

По ходу диалога Платон описывает и разъясняет происхождение всех имен, что когда и откуда появилось и кем было именовано. Он объясняет тесную взаимосвязь самого имени и сущности тех вещей, которые носят это имя. И, по словам Платона, эта взаимосвязь настолько четко выражает суть этих вещей, что любой, кто ни услышит их название, сразу понимает о чем идет речь. Платон говорит следующее: «Милый мой, разве ты не знаешь, что имена, присвоенные первоначально, уже давно погребены под грудой приставленных и отнятых букв усилиями тех, кто, составляя из них трагедийные песнопения, всячески их изменял во имя благозвучия: тому виной требования красоты, а также течение времени. Однако, я думаю, это делают те, кто не помышляет об истине, но стремится лишь издавать звуки, так что, прибавляя все больше букв к первоначальным именам, они под конец добились того, что ни один человек не догадается, что же, собственно, данное имя значит. Так, например, Сфинкса вместо «Финкс» зовут «Сфинкс» и так далее». И Платон тем самым подает нам идею, говоря о том, что считать чем-то варварским то, чего мы не знаем, не имеет смысла. Ведь, как мы уже говорили ранее, какие-то имена, может быть, и правда таковы; но большинство из них претерпели изменения настолько, что это является причиной недоступности смысла первоначальных имен. По мнению Платона, это происходит из-за глубочайшей древности их происхождения: ведь после всевозможных изменений и приписываний или удалений тех или иных букв ради благозвучия имен не удивительно, что один язык превращается в другой. Как пишет сам Платон: «Наш древний язык ничем не отличается от нынешнего варварского»⁹.

В своем понимании проблемы языка Платон также указывает на существование первоимен, неких аксиом (если можно так выразиться), объяснить которые не в силах ни один мудрец. Имена, которые выступают в качестве первоначал, из которых состоят другие имена и слова невозможно объяснить, они являются простейшими. Платон называет их простейшими частицами, и считает, что их не следует возводить к другим именам. Данные рассуждения наводят на мысль, что все языки имеют такие первоначала, простейшие частицы, из которых разные народы, по-разному воссоздали их смыслы, создали какой-то свой язык. Но и эти же простейшие частицы являются тем общим для всех языков, что их связывает, т.е. основами того универсального языка, который так все стремятся найти и описать. Но возможно ли это, этот вопрос пока так и остается открытым.

Язык как средство для выражения мыслей рассматривал Аристотель. Аристотель в рамках своей теории рассматривает такие области использования речи и языка, которые ставят себе определенные, особенные задачи. Такими задачами для Аристотеля являются доказательство и опровержение (диалектика); возбуждение страсти (поэтика); возвеличивание и умаление (риторика)¹⁰. Таким образом, язык для Аристотеля выступает как средство для достижения определенных целей.

В рамках диалектики Аристотель говорит о категориях, которые выступают как категории бытия и познания и как категории языка. Так в языковых разрядах Аристотель рассматривает изолированные слова

8. Там же. URL: <http://lib.rus.ec/b/43110> (дата обращения: 06.02.2010).

9. Там же.

10. Аристотель. Поэтика // Сочинения в 4-х т., т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 681.

и связи слов в предложении, обозначающие в формах языка класс понятий и класс высказываний. Саму структуру языка Аристотель понимал как следствие структуры внешнего мира посредством представлений (которые Аристотель описывал как своего рода отпечатки в душе).

Имя Аристотель понимает следующим образом: «Имена имеют значение в силу соглашения, ведь от природы нет никакого имени. А возникает имя, когда становится знаком, ибо членораздельные звуки хотя и выражают что-то, как, например, у животных, но ни один из этих звуков не есть имя»¹¹. В отличие от Платона Аристотель выделяет отрицательные имена, которые не включаются в имя вследствие слишком неопределенного значения. Аристотель также различает в языке имена и глаголы, которые мыслятся им как особенные части речи, и как члены предложения (подлежащее и сказуемое). Важным моментом в выделении глаголов в языке и предложении является обозначение времени.

Речь Аристотель понимает как некое смысловое звуко сочетание, части которого в отдельности что-то обозначают. При этом Аристотель выделяет всякую речь и высказывающую речь, которая отличается содержанием в ней истинности или ложности.

В трактате «Об истолковании» мы можем усмотреть постановку проблемы теории языка. Так в рамках теории языка Аристотель рассматривает характеристики речи: наличие или отсутствие значения; наличие или отсутствие значащих частей; отношение ко времени (прошое, настоящее, будущее); выражение истины или лжи.

Согласно учению Аристотеля структура языка следует за структурой мира, а посредником в данном следствии выступает мысль. Аристотель в своем учении фактически отождествляет мысль и язык, говоря о том, что доводы, касающиеся слова, и доводы, касающиеся мысли, не различны, а по сути обозначают одно и то же. Таким образом, все, что относится к значению слова, равно относится как к слову, так и к смыслу. Исходя из этого Аристотель признает количественное расхождение слов и вещей, говоря о том, что количество имен и слов ограничено, а число вещей нет. Как и вся античная философия, Аристотель придерживается идеи о наименовании вещей. В частности, такой взгляд иллюстрирует его описание вещей с помощью имен, которые выступают знаками этих вещей.

Будучи учеником Платона, Аристотель продолжает исследовательскую линию идей, обозначенных в диалоге «Кратил». Так он говорит об анализе значений изолированных слов, которые ранее понимались как предмет учения о правильности имен. В рамках данного анализа Аристотель выделяет одноименные предметы, имеющие общее имя, но разную речь о сущности данного предмета; соименные предметы, то есть такие, которые имеют общие и речь и сущность; отыменные предметы, получающие наименование от чего-то в соответствии с его именем. (Здесь можно усмотреть зачатки проблемы соотношения значения и смысла, которая появится многим позже в философии Г. Фреге и его взгляде на проблему языка.) Существование языка и мира вещей Аристотель воспринимает как явления, существующие параллельно.

Самостоятельной ценности в языке Аристотель не усматривал, он понимал его как средство познания. Несмотря на то, что язык воспринимается им как часть, элемент диалектики, Аристотель понимает язык как необходимое условие познания.

В рамках средневековой философии проблема имени артикулируется в контексте спора об универсалиях, что задает соответствующую дифференциацию версий ее интерпретации в рамках таких схоластических направлений, как номинализм («термин, произнесенный или написанный, означает нечто лишь по установлению – *exinstitutio*» – Оккам Уильям) и реализм («познаем не по сущностям, а по именам» – Василий Великий). В теолого-философской традиции можно обнаружить богатые и разнообразные источники по данной проблематике. Августин, к примеру, заложил фундамент к основам понятия языка, а также разработал единственную на тот момент (вплоть до XIII в.) теорию знаков (он использовал овеществленное понятие знаков). Это положение послужило в качестве отправной точки его теории языка. Наряду с Августином данными проблемами занимался и Боэций. Он основывался на идеях Аристотеля, будучи комментатором его работ. Результатом деятельности Боэция стало приведение к наиболее широкому ознакомлению работ и идей Аристотеля в средневековом мире. Такое понимание имени гораздо сложнее и глубже, ибо включает в себя идею фундаментального символизма, задающего понимание имени как конвенции в контексте библейской традиции, однако конвенции, причастной неявным образом к сущности означаемой вещи. Эта установка задает импульс к развитию разветвленной и сложной логико-

11 Аристотель. Об истолковании // Сочинения в 4-х т., т.2. М.: Мысль, 1978. С. 103.

философской традиции в рамках схоластики: введение терминов «абстрактное» и «конкретное понятие» Иоанном Дунсом Скотом; развитие категориального аппарата логики.

Роберт Килуорби, малоизвестный средневековый автор, вступает в спор с Августином и говорит, что любая наука является наукой о знаках, т.е. непосредственно связана с языком. Это ему нужно для того, чтобы понять, существует ли какая-то специальная наука о знаках.

Исходным основанием семиотического анализа Роджера Бэкона является устный язык. Он не поддерживает традицию семантики Аристотеля, Боэция, или же Порфирия, согласно которой, устные слова означают ментальные концепты, а считает, что слова означают сами предметы. Р. Бэкон выделяет два модуса придания или навязывания («установление указания» и «заимствование указания»), это его огромный и важный вклад в семантику. Существует формальный модус придания, который осуществляется «перлокутивным» звуковым выражением, а также существует и иной тип, молчаливо имеющий место всякий раз, когда термин прилагается к любому другому объекту. Второй тип указывает нам на то, что актуально случается в ходе повседневного использования языка, тогда как первый способ придания указывает либо на ситуацию первого изобретателя языка, либо на акт эксплицитного создания нового слова. Только посредством использования языка мы в течение всего дня придаем имена без осознания того, когда и как это происходит.

Идею Р. Бэкона и Р. Килуорби о грамматике как о регулярной науке разделяет и так называемая школа модистских грамматиков. Она появилась в конце XIII века на факультете искусств Парижского университета. Модисты считали, что целью любой регулярной науки является не простое описание каких-либо фактов, а объяснение их посредством причин. Члены этой школы считали своим делом дедуцировать грамматические характеристики, общие для всех языков, из универсальных модусов бытия с помощью соответствующих модусов понимания, т.е. мышления. В рамках этой школы утверждалось, в частности, Боэцием Дакским, что все национальные языки являются грамматически идентичными. Причина кроется в том, что грамматика в целом заимствована из предметов и так же, как природа вещей сходна для тех, кто говорит на различных языках, то таковы и модусы бытия и мышления. Отсюда следует, что грамматика, принадлежащая одному языку, подобна той, которая принадлежит другому языку. Они в качестве науки об общих когнитивно-лингвистических структурах абстрагируются от всех различных национальных языков и даже от устного языка как такового. Здесь затрагиваются скорее грамматические знаки, а не жесты или «язык взглядов», которые обусловлены тем, что устные выражения в сравнении с другими типами знаков являются более подходящими для человеческой коммуникации. Но и этот модистский подход подвергся серьезной критике, в частности, Уильямом Оккамом.

В Новое время происходит соединение философии языка с методологией. В рамках этой эпохи необходимо рассмотреть взгляды на проблему языка Джона Локка и Томаса Гоббса.

Согласно теории Т. Гоббса роль слов является очень важной для познания. Это происходит в силу того, что рассудок начинает сопоставлять и сравнивать представления, вызывая собой рассудочную деятельность, протекающую в виде мысленной речи. Представления, по Т. Гоббсу, это угасшие ощущения, которые производят некоторый отпечаток в душе, который может некоторое время сохраняться, постепенно теряя свою яркость и отчетливость. В результате ощущений в уме возникают представления.

Ставя вопрос о важности роли слов, Т. Гоббс начинает его рассмотрение с теории знаков. Согласно Т. Гоббсу, знак означает не что иное, как то, что нечто обозначает, то есть некий материальный предмет. Знак всегда познается человеком посредством его ощущений. Одним из вариантов знака Т. Гоббс видит слово. Он определяет его как некоторую материальную вещь, обозначающую некоторую другую материальную вещь. Т. Гоббс считает, что замещение вещи в речи словами является величайшим открытием человечества. Таким образом, язык, по Т. Гоббсу, выступает тем средством, при помощи которого формулируется наше мышление; а также является отражением некоторой действительной связи между предметами, существующей в реальности. Слова выступают для памяти знаками, благодаря которым происходит воспоминание о представлениях. В силу этого язык существует для экономии мышления. Т. Гоббс считает, что общение является одной из важнейших функций языка. Мыслить при помощи языка и слов, при помощи знаков и связей между ними соответственно, согласно теории Т. Гоббса, гораздо удобнее, чем без них.

Выбор тех или иных знаков зависит непосредственно от взаимоотношения между людьми. По Т. Гоббсу, таким образом, язык вырабатывается на основе конвенции. Отсюда возникает и теория

конвенционализма Т. Гоббса: слова и вообще язык являются результатом соглашения между людьми, не имея самостоятельного существования.

Язык и слова, согласно Т. Гоббсу, являются знаковой системой, которая появляется в результате того, что люди на определенном этапе согласились употреблять именно такие слова, а не другие. Никакой онтологической роли, оправдывающей их самостоятельное существование, у слов нет. Слова существуют как знаки вещей и возникают в результате договоренности между людьми. Поэтому Т. Гоббс говорит о том, что знание формулируется всегда в языковой форме – в форме связи между словами, высказываниями, предложениями, суждениями, умозаключениями.

Дж. Локк, затрагивая проблему языка, утверждал, что язык является результатом творения человека. Он посвятил данному вопросу третью книгу «Опытов о человеческом разумении». От Бога в языке лишь то, что Бог наделил человека способностью к членораздельной речи. Слова человек создал самостоятельно, установил между ними связи и между предметами, которые они обозначают. Понимая язык таким образом, Дж. Локк весьма значительно расходится с пониманием языка Т. Гоббса. Согласно Дж. Локку, основой для возникновения языка является опыт, непосредственный чувственный контакт с предметами реального или идеального мира.

Для Дж. Локка, так же, как и для Т. Гоббса, слово выступает как знак, но в отличие от Т. Гоббса, Дж. Локк понимал его как чувственный знак идей, необходимый для общения и передачи мыслей. Согласно философии языка Дж. Локка, идеи функционируют как значения слов. Дж. Локк понимает язык как систему знаков, состоящую из чувственных меток наших идей, которые дают возможность нам, при желании, общаться друг с другом. Он говорит о том, что идеи могут быть понятными сами по себе, без слов. Слова же выступают как общественное выражение мысли, имея значение и смысл.

Дж. Локк утверждает, что благодаря обращению к понятию абстракции мы можем прийти к общим словам, обозначающим общие идеи. Процесс абстракции заключается в накоплении знаний о каком-либо предмете вне времени и пространства, а также отделяя от них какие-либо частные идеи.

Согласно концепции Дж. Локка, язык выполняет две функции: гражданскую и философскую. Гражданская функция выступает как средство общения между людьми, философская – как точность языка, выражающаяся в его эффективности. Философ в главе «О злоупотреблении языком» Дж. Локк показывает, что несовершенство и запутанность языка, лишенного содержательности, используются малограмотными, невежественными людьми и отдаляют общество от истинного познания. Такого рода высказывание указывает на то, что, изучая проблему языка философ одной из целей, видел необходимость построения совершенного языка во избежание утери истинного познания.

В Новое время философия языка смыкается с методологией, эволюционирующей в контексте гносеологии. Так, по оценке Джона Локка, вне языковой аналитики невозможно сколько-нибудь ясно или последовательно рассуждать о познании. Имя здесь рассматривается как результат рационального конструирования на базе данных чувственного опыта, имя есть слово, произвольно выбранное нами в качестве метки, согласно концепции Томаса Гоббса. Резонирующее взаимодействие этих двух тенденций задает интенцию на создание специального языка науки, достаточно формализованного и удовлетворяющего требованию десигнативной определенности (пример такого языка «всеобщая и рациональная грамматика» Пор-Рояля, «алгебра универсальной рациональной семантики» Г. В. Лейбница), что в далекой перспективе послужило одним из исходных импульсов позитивистской программы очищения языка науки от метафизических суждений.

